

Свежей, чем мая ранние цветы
(Ланиты с розами сравнил бы ты:
Не знаю я, которые алей),
Покорствуя привычке юных дней,
Оделась, встав до света на востоке:
Не по душе ведь маю лежебоки.
Все нежные сердца тревожит май,
От сна их будит и кричит: «Вставай
И верно мне служи, расставшись с ленью».
Эмилия, исполненная рвения
Приветить май, на луч рассвета глядя,
Предстала свежей в утреннем наряде.
Златые кудри, в косу сплетены,
На добрый ярд свисали вдоль спины.
Она по саду, чуть взойшло светило,
Меж распускаящихся дерев бродила.
Срывая цвет, то розовый, то белый,
Для головы венок плела умело
И пела, словно ангел неземной.
Большая башня с толстою стеной,
Главнейшая темница в той твердыне
(Где рыцари в плену томились ныне,
О коих был и дале будет сказ),
Над садом этим высилась как раз,
Где весело Эмилия бродила.
Над морем воссияло дня светило,
И бедный узник Паламон тогда же,
Как ежедневно, с разрешенья стражи,
Шагал по верхней горнице темницы,
Преславный город видя сквозь бойницы
И садик, где под зеленью ветвей
Во всей красе и свежести своей
Эмилия гуляла по дорожкам.
Так грустный Паламон перед окошком
Своей тюрьмы шагает взад-вперед
И сам с собой печально речь ведет.
«Зачем рожден я?» – молвит в скорби жгучей.
И вышло так, – судьба ли то иль случай? -
Что сквозь литые прутья на окне,
Подобные бревну по толщине,
Он вдруг узрел Эмилию в саду.
«Ах!» – крикнул он, качнувшись на ходу,
Как бы стрелой жестокою пробитый.
Проснувшийся от возгласа Арсита
Спросил его: «Что у тебя болит?
Твой лик смертельной бледностью облит!
Как? Плачешь ты? Кто оскорбил тебя?
Сноси в смиренье, господу любя,
Плененья гнет мучительный: ведь он
Самой Фортуной, видно, нам сужден;
Сатурна ли враждебным положеньем
Иль прочих звезд злосчастнейшим стеченьем
Ниспослан он, – таков, как ни борись,
Был вид небес, когда мы родились.
Итак, терпи: вот краткий мой совет».